
АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА В 1941–1943 ГГ.

С.А. Никифоров

Кафедра гуманитарных и общеобразовательных дисциплин
Региональный финансово-экономический институт
ул. Ломакина, 17, Курск, Россия, 305029

В статье анализируются мероприятия, проведенные оккупационными властями в сфере сельского хозяйства на подконтрольной им территории районов Воронежской, Курской и Орловской областей. Автор показал основные цели и направления политики фашистов в аграрной сфере. Особое внимание уделено отношениям оккупантов с сельским населением и результатам деятельности захватчиков.

Ключевые слова: Центральное Черноземье, оккупация, аграрная реформа, сельскохозяйственное управление, колхоз, общинное хозяйство, госимение, натуральный налог, ущерб.

Наибольший интерес для германского руководства на оккупированной территории представляло сельское хозяйство. Оккупанты предполагали ликвидировать колхозную систему в Советском Союзе и создать крупные помещичьи хозяйства, которые принадлежали бы только немцам. В этих имениях на положении рабов должны были трудиться местные крестьяне (1).

В условиях войны изменение отношений собственности на землю и системы ее обработки было слишком рискованным шагом. Это могло затруднить реализацию планов экономической эксплуатации сельского хозяйства оккупированной территории СССР. Поэтому после оккупации части территории Союза колхозы в прежнем виде продолжали существовать, попав при этом под контроль захватчиков. В изданной германским командованием секретной инструкции, озаглавленной «Принципы ведения хозяйства на Востоке» (приложение к особому распоряжению по снабжению от 22 августа 1941 г.), указывалось: «...Нужно стремиться к насаждению возможно большего числа немецких руководителей, чтобы добиться быстрой отправки продукции руководимых ими предприятий... Сохранение колхозной системы необходимо пока для того, чтобы предотвратить перебои в снабжении немецкой армии и хозяйства за счет русских просторов» (2).

Органы управления сельским хозяйством занимали особое место в структуре оккупационных органов власти. Губернские (областные) управленческие сельскохозяйственные учреждения были, фактически, единственными организациями, действовавшими на уровне областей в армейских ты-

лах. Вскоре после оккупации части Курской и Орловской областей осенью 1941 г. захватчиками были созданы сельскохозяйственные (земельные) управления и сельскохозяйственные штабы (3). Управления и штабы действовали на нескольких уровнях: областные (губернские), окружные (уездные), районные. В их ведении находились все вопросы, касающиеся сельского хозяйства на подконтрольной территории. Окружные земельные управления руководили работой районных сельскохозяйственных управлений. Они разрабатывали планы посевов, контрольные цифры по всем видам животноводства, садоводству, в районах поддерживали контакты со всеми организациями, соприкасающимися с сельским хозяйством. В составе сельхозуправлений имелось несколько отделов: общий, финансовый, полеводства и растениеводства, животноводства и ветеринарии (4).

Окружные сельскохозяйственные управления выполняли распоряжения сельскохозяйственного отдела Ви Кдо (5). На местах имелись опорные пункты районных сельхозуправлений. Так, Львовский район был разделен на три «участка», в каждом из них имелся свой опорный пункт во главе с немецким военным чиновником (зондерфюрером). Коменданты сборных пунктов следили за выполнением распоряжений вышестоящего командования, сообщали о состоянии посевов, объемах поставляемого продовольствия. В случае необходимости зондерфюреры опорных пунктов организовывали доставку сельхозпродукции местным гужевым транспортом (6).

Сельскохозяйственные штабы были созданы из числа офицеров армейских тылов. По сути, такие штабы являлись сельскохозяйственными комендатурами (их руководители именовались комендантами). Очевидно, штабы являлись дополнительными структурами при военных комендатурах, они обеспечивали интересы армий при распределении продовольствия, собранного в счет обязательных поставок на подконтрольной территории. Земельные управления и сельскохозяйственные штабы работали в тесной взаимосвязи – совместные приказы комендантов штабов и руководителей земельных управлений были распространенным явлением (7). Таким образом, на первом этапе аграрная политика оккупантов осуществлялась хозяйственными инспекциями и командами при активной поддержке войск.

Высшее руководство земельных управлений и штабов всех уровней было представлено исключительно немцами. Они являлись представителями Ви Кдо и именовались «директорами», «сельскохозяйственными офицерами», «советниками», «военными агрономами» и «управляющими». Так, начальником (директором) Орловского губернского земельного управления являлся фон Мюлен, советником Курского областного управления – Кобольд. Рыльское окружное сельскохозяйственное управление возглавлял фон Леббеке, Львовское районное – Унтервальн, комендантами сельскохозяйственного штаба Орловского уезда (в разное время) были Зейдель и Лейнгут (8). Таким образом, политика насаждения «немецких руководителей» в сельскохозяйственной сфере была реализована на практике. Немец-

ким управляющим непосредственно подчинялись главные агрономы соответствующих земельных управлений, набираемые из представителей местного населения. Немецкие управляющие ставили задачи и следили за их выполнением. Непосредственно организацией сельхозработ занимались агрономы, они же готовили отчеты о состоянии посевов, ходе полевых работы и т.п. Руководство районных земельных управлений периодически предоставляло отчеты о своей деятельности и состоянии сельского хозяйства в окружное управление, которое отчитывалось перед областным управлением (9).

Летом 1942 г., после оккупации немецко-фашистскими войсками части Воронежской области, на ее территории были созданы органы управления сельским хозяйством, аналогичные орловским и курским. В связи с близостью линии фронта в Воронежской области сельскохозяйственные комендантуры и земельные управления осуществляли поставки продовольствия напрямую в воинские части (10).

Для аграрной политики захватчиков в начальный период оккупации характерен приказ № 1 Германского Командования от 26 ноября 1941 г., воспроизведенный Рыльским окружным земельным управлением в декабре 1941 г. Этот приказ налагал строгий запрет на роспуск колхозов, на раздел их имущества (11). Все продовольствие предписывалось взять на учет. Подобные приказы были изданы другими окружными земельными управлениями Курской и Орловской областей и местными комендатурами (12). В ходе их выполнения была проведена перепись скота, птицы, запасов продовольствия, имевшегося в колхозах и в личных хозяйствах селян.

Необходимо отметить, что начало немецкой оккупации территории Центрально-Черноземного региона было сопряжено с переходом в руки селян значительной части продовольствия, которое не было эвакуировано. Помимо запасов продуктов, в руках крестьян оказалась часть колхозного и эвакуируемого скота, сельхозинвентарь и прочие ценности. Таким образом, отступление Красной Армии и приход немецких войск фактически привели к росту благосостояния сельских жителей (накануне войны, после уплаты всех налогов, крестьяне были вынуждены довольствоваться минимумом продуктов и денежных средств).

Сельские жители восприняли критику немцами колхозов как курс на возрождение артелей и ТОЗов (товариществ по совместной обработке земли), существовавших до революции и коллективизации (13).

Вероятно, этими обстоятельствами объясняется тот факт, что значительная часть крестьян, хотя и относилась к оккупантам с настороженностью, в первоначальный период оккупации не выказывала стремления к активному сопротивлению захватчикам.

Однако период «роста благосостояния» оказался весьма непродолжительным, а надежды на передачу земли в частную собственность не оправдались. Грабежи, учиненные передовыми немецкими, венгерскими и другими частями, сменились регулярными сборами сельскохозяйственной продукции специали-

зированными учреждениями (14). В ситуации, когда воспроизводство продуктов в необходимых объемах не было налажено, их насильственное изъятие (15) привело к быстрому истощению запасов и даже голоду среди крестьян.

Оккупантами была создана система выкачки продовольствия. После подачи списков скота, птицы, зерна в земельное управление оно направляло указания старостам селений: доставить к указанному числу определенное количество голов крупного рогатого скота, птицы, яиц, других продуктов. Приказы предписывалось выполнять безоговорочно. Староста решал: у кого из жителей будут отобраны скот и продукты для поставок. Ежемесячно староста составлял обновленную перепись скота, птицы, других запасов для оккупационных властей (16). Такая система изъятия сельхозпродукции существовала до освобождения Центрального Черноземья.

На занятой немцами территории не были установлены единые размеры натуральных налогов. Размеры сборов отличались даже в различных районах одной области и зависели только от потребностей местных властей. Интересы местного населения полностью игнорировались.

В результате проведенных реквизиций в Курской и Орловской областях за короткий срок значительно сократилось поголовье скота, почти все зерно у населения было изъято (включая семенной фонд), что сказалось на посевной кампании 1942 г.

Вскоре после оккупации немцы провели подсчет размеров посевных площадей. Так, на оккупированной территории Курской области насчитывалось 3 627 730 га пашенных угодий. При планировании весенней посевной кампании 1942 г. был произведен учет тягловой силы: лошадей и волов. В области было 70 565 лошадей и 2570 волов (72 278 единиц тягловой силы в переводе на лошадей) (17) (перед войной насчитывалось 373 273 лошади). При подсчете видно, что в среднем каждой лошади предстояло обработать 50,6 га, что было совершенно нереально.

Не лучше обстояли дела и с сельскохозяйственной техникой. Большая часть имевшихся тракторов находилась в неисправном состоянии. Об этом говорят данные, собранные оккупационными властями зимой 1941–1942 гг. Из 2932 тракторов, имевшихся на оккупированной территории Курской области, исправно было лишь 1080, из 1129 комбайнов – 179, из 791 молотилки – 284. Отмечалось, что для проведения ремонта значительной части сельскохозяйственной техники отсутствовали запасные части. После произведения ремонтно-восстановительных работ в рабочем состоянии насчитывалось 1260 тракторов, т. е. менее $\frac{1}{10}$ части от довоенного количества. Грузовых и легковых машин было также недостаточно – 199, из них готовых к работе – 91 (18). Кроме того, существовала проблема с поставками горючего, которое в первую очередь требовалось захватчикам на фронте.

В декабре 1941 г. оккупационные власти провозгласили курс на восстановление сельского хозяйства, объявив для этой цели о проведении денежных сборов с населения (19).

Таким образом, в начальный период оккупации в сфере сельского хозяйства захватчики создали эффективную систему изъятия продовольствия у сельского населения. Кроме того, оккупанты заявили о планах по восстановлению сельского хозяйства. Для их реализации был произведен учет посевных площадей, средств по обработке земли, у крестьян было изъято зерно для проведения весенней посевной кампании в 1942 г., а также собраны значительные денежные средства.

Изменения наметились в феврале 1942 г., когда германское руководство начало проведение аграрной реформы, приняв «Положение о землепользовании» (было утверждено рейхсминистром оккупированных восточных областей А. Розенбергом 15 февраля). В документе провозглашалась поэтапная ликвидация колхозной системы и переход к созданию частных крестьянских хозяйств (20).

Аграрная реформа была трехступенчатой и планировалась на длительный период. Фашисты объявили ее целью постепенный переход к созданию из колхозов частных сельскохозяйственных предприятий. Пока же для обеспечения урожая предполагалось производить обработку полей общинным способом. Колхозы предписывалось преобразовать в общинные хозяйства, которые подчинялись приказам немецкого управления. На втором этапе реформы полевая земля делилась между крестьянскими дворами, которые объединялись в сельскохозяйственные (земледельческие) товарищества. Работать товарищества должны были под руководством немецких властей. Землю могли получить только семьи, имевшие как минимум трех работников. Землей не наделялись и политически неблагонадежные члены общинных хозяйств. Вспашка и сев должны были производиться всеми крестьянами; уход за посевами и сбор урожая – крестьянскими дворами на выделенных участках. Тягловый скот и мелкий сельскохозяйственный инвентарь должны были быть разделены между крестьянскими семьями. Тракторы и другая крупная сельскохозяйственная техника оставались в собственности МТС или сельскохозяйственных товариществ. В ходе третьего этапа реформы планировалось перейти к единоличному землепользованию и ведению хозяйства.

Вслед за законом об аграрной реформе 17 марта 1942 г. последовало распоряжение № 1 «Об организации, управлении и ведении хозяйства в крестьянских общинных хозяйствах». Первый раздел распоряжения включал основные положения по созданию общинных хозяйств. Все оккупированные деревни со всем их имуществом и землей объявлялись общинными хозяйствами. Крестьяне с этого времени наделялись приусадебными участками, их обработку семьи должны были производить собственными силами. Общинные земли предписывались обрабатывать коллективно с использованием орудий производства, находящихся как в собственности крестьян, так и принадлежащих общине. Во главе общины стояло правление, в которое входили старший общинного хозяйства (староста) и его заместитель. При прав-

лении вводилась должность бухгалтера или счетовода, отвечавшего за состояние бухгалтерского учета.

Во втором разделе распоряжения № 1 говорилось, что пашни и другие основные угодья бывших колхозов относились к «*общей земле*». Сельскохозяйственный инвентарь подразделялся на «*общий инвентарь*» (бывшая колхозная усадьба с помещениями и постройками, скот, сельскохозяйственный инвентарь и машины) и «*крестьянский инвентарь*» (крестьянские дворы со всеми постройками, личный скот, мелкий сельхозинвентарь) (21). Распоряжение определяло и порядок взимания оккупантами «обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов» с «общинных хозяйств».

Таким образом, данное распоряжение фактически предусматривало создание крепостнических хозяйств, в которых общественная земля должна была обрабатываться с помощью как общих, так и частных орудий труда. Крестьяне должны были безоговорочно подчиняться старосте, который являлся проводником оккупационной политики.

После публикации закона об аграрной реформе и распоряжения № 1 была издана целая серия приказов, направленных на практическое осуществление реформы (22). Постепенно от приказа к приказу туманные фразы захватчиков о «*благее*» для крестьян сменялись истинными целями захватчиков, которые выражались в ограблении оккупированных территорий СССР.

Вполне естественно, что в условиях войны реформа шла очень медленно. Примечателен тот факт, что на местах оккупационные сельскохозяйственные учреждения не проявляли заинтересованности в ее реализации. Так, в Орловской области приказ о начале реформы был издан только в апреле 1942 г. Одновременно немецкое руководство сельским хозяйством оккупированных регионов напрямую заявило, что «*переход к индивидуальной обработке земли в 1942 г. не может быть осуществлен*» (23). Меры по доведению до населения положений распоряжения № 1 «Об организации, управлении и ведении хозяйства в крестьянских общинных хозяйствах» и приказа № 1 германского главного земельного управления от 23 марта 1942 г. были предприняты лишь летом 1942 г.: 4 июля Орловское губернское сельскохозяйственное управление приказало расклеить в деревнях и селах плакаты с информацией о земельной реформе, а в случае отсутствия плакатов – провести сельские сходы (на сходах должен был зачитан заранее утвержденный текст с сообщением о ликвидации колхозов, организации общинных хозяйств и подписаны соответствующие акты) (24).

Аграрная реформа, провозглашенная оккупантами, далеко не продвинулась: название «колхоз» было заменено на другое – «общинное хозяйство». Смена вывесок ничего не изменила ни в организации работ, ни в положении крестьян. Общинные хозяйства, как и колхозы, были удобным орудием для эксплуатации крестьян и выкачки продовольствия. Случаи перехода от общинных хозяйств к земледельческим товариществам были очень редки. На оккупированной территории Курской области первое такое товарищество

было создано в сентябре 1942 г. на хуторе Садовый Медвенского района (25). Это событие широко освещалось в газетах оккупантов – оно должно было свидетельствовать о продвижении реформы.

Одним из мероприятий, намеченных в ходе реформы, было выделение приусадебных участков крестьянам. Немецкие власти обещали бесплатно выделить землю *«всем крестьянам, бывшим членам колхозов и раскулаченным ранее, которые будут участвовать в общинной подготовке к севу и в севе»* (26). В Белгородском и Ивнянском районах Курской области каждый двор в качестве приусадебного участка получил по 0,25 га земли и полевые наделы по 0,08 га на каждого трудоспособного члена семьи. Остальная земля оставалась за «общинным хозяйством», которое именовалось *«экономией»*. Крестьяне должны были три дня в неделю работать на земле *«экономии»*, а остальное время – на своих наделах (27).

В ходе реформы совхозы были преобразованы в государственные имения (хозяйства). Соответствующие приказы были совместно подписаны комендантами губернских сельскохозяйственных штабов и руководителями губернских земельных управлений. Госимения непосредственно подчинялись областным сельскохозяйственным учреждениям (28). В Курской области к июню 1942 г. было создано 47 таких хозяйств. Они должны были стать главными производителями сортового семенного материала для других хозяйств и центрами племенного животноводства.

Работникам государственных имений полагалась заработная плата, ее размер в апреле 1942 г. колебался от 180 до 528 руб. в зависимости от вида работы и разряда, к которому относилась должность работника (всего насчитывалось 5 разрядов) (29). По аналогичным тарифам оплачивался и труд рабочих машинно-тракторных станций. В Курске было создано Областное управление МТС для организации работы машинно-тракторных станций. К началу весеннего сева 1942 г. в 35 районах области было создано 35 районных МТС (раньше на территории этих районов было 96 МТС), 5 машинно-тракторных мастерских. После проведения ремонтных работ в исправное состояние было приведено 1665 тракторов, другая сельскохозяйственная техника (30). В Воронежской области летом 1942 г. также были приняты меры по восстановлению машинно-тракторных станций и сельскохозяйственных машин. Так, например, в с. Ст. Ведуга на местной МТС силами военнопленных были отремонтированы несколько тракторов, комбайнов и жаток (31). Немцы приняли все меры для того, чтобы избежать дезорганизации сельскохозяйственного производства: на руководящие должности организаций и учреждений назначались те же люди, которые управляли ими при советской власти. Начальником МТС им. М. Горького Радченского района была назначена член ВКП(б) А.А. Левченко, работавшая до этого директором этой же станции (32).

На оккупированной территории Воронежской области захватчики не проводили реформ в сфере сельского хозяйства. Причиной этого, очевидно, стал относительно небольшой период оккупации районов области (с июля

1942 г. по февраль 1943 г. – срок нахождения под контролем захватчиков отдельных районов составил от одного до шести месяцев). Колхозы, как и в других оккупированных регионах РСФСР, не были распущены – для захватчиков было важно сохранить организованную рабочую силу для проведения сельхозработ. Наименование «колхоз» при этом было заменено на «общинное хозяйство». Оккупационные власти приняли меры к сохранению в собственности общинных хозяйств техники и сельхозинвентаря (33).

Осенью 1941 г. озимыми были засеяны небольшие площади. Еще меньше земли было вспахано для весеннего сева. Поэтому весенняя посевная кампания 1942 г. имела огромное значение для захватчиков. При ее проведении было необходимо преодолеть целый ряд препятствий. Одной из главных проблем стала повсеместная значительная нехватка тягловой силы – лошадей для вспашки полей. На больших площадях, которые находились в относительно не засоренном состоянии, вспашка и сев проводились только с использованием бороны (34). Конечно, хорошего урожая при такой агротехнике ожидать было нельзя. Германское командование приказало обучать для работы в качестве тягла коров и молодое конское поголовье. Были установлены нормы вспашки земли с использованием крупного рогатого скота. У крестьян, отказавшихся использовать своих коров в качестве тягла, скот отбирался. В с. Медвенка 75% коров было задействовано на полевых работах (35). В Глазуновском и Золотухинском районах из-за недостатка тягловой силы копка земли вручную весной 1942 г. приняла массовый характер (36).

Оккупанты использовали для привлечения населения к сельскохозяйственным работам насилие и террор. Так, в приказе немецкого руководителя сельхозуправления Большесолдатского района от 16 мая 1942 г. говорилось, что, несмотря на указания германского командования в целом ряде земельных обществ люди работают только на своих усадьбах и на полевые работы практически не выходят. В приказе объявлялось о проведении смертной казни в отношении тех лиц, которые будут саботировать весенний сев или умышленно портить сельскохозяйственный инвентарь. Германский начальник Суджанского районного сельхозуправления в своем приказе от 12 сентября 1942 г. потребовал обязательного участия в сельскохозяйственных работах с 6 ч утра до наступления сумерек всего трудоспособного населения от 15 до 60 лет. Этот же приказ предусматривал конфискацию коров тех крестьян, которые отказывались использовать их на посевных и других полевых работах (37).

Аналогичные методы использовались захватчиками и на территории Воронежской области. Всех крестьян, независимо от возраста, заставляли трудиться на общественных полях. Тех, кто уклонялся от работы, в присутствии местного коменданта, старосты и односельчан били палками (по 25 ударов). Продолжительность рабочего дня составляла 10–12 ч. Производительность труда крестьян была чрезвычайно низкой. За работу селянам, как и при советской власти, начислялись трудодни. После уборки урожая работникам выдавалась натуральная плата продуктами. В Радченском рай-

оне полагалось от 400 до 1250 г зерна за трудодень, в Шаталовском районе – по 660 г за трудодень на работника и 330 г на иждивенца. Эвакуированные получали за ту же самую работу меньшую оплату: 400 г за трудодень и 200 г на иждивенца (38).

В некоторых деревнях немцы заставляли военнопленных, которые временно жили здесь, на немецких конях пахать землю семьям, оставшимся без мужчин. Наряд на работу военнопленным давал местный комендант при помощи переводчика. Работа происходила под присмотром полицаев (39).

Несмотря на усилия оккупационных властей, посевная кампания проходила медленно. Кроме того, ощущался острый недостаток семян, так как семенной фонд был изъят оккупантами у населения еще осенью 1941 г., но значительная его часть пошла не по назначению – на снабжение немецкой армии.

В результате в 1942 г. 65–70% пахотной земли оказались незасеянными (40). Крестьянам запрещалось обрабатывать собственные приусадебные участки до окончания полевых работ на общественной земле (41). Урожай, собранный селянами на своих наделах, оказался незначительным, так как, во-первых, не хватало семян (вместо клубней картофеля зачастую сажали картофельные очистки), во-вторых, были нарушены сроки посадки культур. Известны случаи, когда крестьянские дети, испытывая голод, тайком от родителей выкапывали посаженные картофельные очистки и съедали их. Сознаться в таком проступке им приходилось в середине лета – к этому времени родители убеждались, что картофель не взошел.

В июле 1942 г. жатва зерновых была проведена, в основном, вручную. Комбайны в целях экономии горючего использовались только при хорошем состоянии хлеба (42). Урожай, собранный на общественных полях, предназначался захватчикам. Для его охраны от крестьян, столкнувшиеся с явным дефицитом продовольствия (оно принудительно изымалось для нужд немецкой армии) и голодом, летом 1942 г. оккупационные власти и даже воинские части, размещавшиеся в тылу, были вынуждены принять особые меры. Были изданы и распространены среди сельского населения специальные обращения и распоряжения с угрозами расстрела за воровство продуктов. Примечательно, что речь не шла о предотвращении крупных хищений. В приказе Орловского губернского земельного управления (июль 1942 г.) в качестве основного способа хищений зерна упомянута «стрижка колосьев» (43). В соответствии с распоряжением командования 383-й немецкой пехотной дивизии (август 1942 г.) расстрелу подлежали те крестьяне, которые вытаскают «картофель до созревания, чтобы снять самые большие картофелины и вставят потом клубень обратно в землю... кто украдет сноп зерна или сена» (44). Очевидно, что хищения крестьянами нескольких колосьев или картофелин с общественных полей были вызваны голодом, а не стремлением разбогатеть.

Чтобы не умереть голодной смертью, селяне были вынуждены пойти на хитрость. Перед сбором урожая все посевы были разделены по качеству на три вида. В присутствии немецких представителей сельскохозяйственных

управлений с каждого вида посевов каждой культуры были сделаны пробные обмолоты и определена урожайность. После этого было указано, сколько зерна на сборные пункты должно сдать каждое из общинных хозяйств. Старосты сел и деревень, местные агрономы сделали все, чтобы занижить показатели урожайности и обмолотов. В противном случае «выжить было бы невозможно»: немцы собирались забрать «почти все» (45).

Самая напряженная ситуация с уборкой урожая 1942 г. сложилась в прифронтовой полосе. Уборку пришлось вести под бомбежками и обстрелами (46).

Начало немецкой оккупации ряда районов Воронежской области совпало с уборкой урожая. Захватчики форсировали проведение уборки. К полевым работам было привлечено все местное население, военнопленные и даже немецкие солдаты. Обмолоченный хлеб свозился на мельницы, мука поставлялась в немецкие части, а излишки направлялись в Германию. Для переработки зерна были задействованы все уцелевшие мельницы. Местное население, не имея возможности смолотить свое зерно на мельницах, было вынуждено перерабатывать его кустарными способами (47).

Урожай, собранный в 1942 г., значительно уступал довоенному. Так, на оккупированной территории Курской области с 894 056 га к 1 декабря 1942 г. было намолочено около 3731 тонны зерна (48). В предвоенный период в области ежегодно зерновыми культурами засеивалось около 2,1 млн га (49), в 1940 г. валовой сбор зерна составил 1 млн 169 тыс. т.

Летом 1942 г. в прифронтовой зоне на оккупированной территории Воронежской области захватчики сделали попытку наладить организованные реквизиции продовольствия. Так, солдат 767 пехотного полка 376 пехотной дивизии Иоганн Химинский на допросе сообщил, что в села близ Россоши, вскоре после занятия их частями германской армии, приехали представители армии и хозяйственных организаций. Были назначены старосты, и население направлено на полевые работы. Военнопленный подчеркнул, что «германским солдатам... строгойше запрещено отбирать какие-либо продукты питания у населения, так как объявлено, что все является “собственностью министерства хозяйства и верховного командования вооруженными силами Германии в России”. Все продукты учитываются, и часть их в организованном порядке отбирается у населения и поступает на снабжение германских войск» (50).

Полноценное снабжение наступающих частей военным чиновникам организовать не удалось. Немецкие солдаты, заняв какой-либо населенный пункт, немедленно приступали к грабежу местного населения. Их действия были поддержаны командованием боевых частей. Так, в приказе по 16 моторизованной дивизии от 22 июля 1942 г. (51) говорилось: «...Продовольствие изыскивать на месте. Со снабжением в настоящее время считаться не приходится» (52). Особый приказ солдатам, по сути, и не требовался – собственной инициативы вполне хватало. Надежды сельских жителей на милость захватчиков не оправдались. Последствия занятия немецкой частью одной из деревень описал военный корреспондент, прикрепленный к 6-й армии, Клеменс Поде-

вилыз: «Это произошло 30 июня после короткого столкновения немцев с отступающей красноармейской частью. Черные фигуры спрыгнули с танков, и тут же началась массовая “казнь”. В мгновение ока вся деревня наполнилась гоготом, криканьем, квохтаньем домашней птицы. Спустя несколько минут окровавленные тушки побросали в машины, фигуры забрались туда же, гусеницы взбили придорожную пыль, и вся колонна устремилась дальше на восток» (53). Домашняя птица была желанным трофеем – ее легко готовить в походных условиях. Попутно солдаты вермахта разоряли поля и огороды.

В деревнях Воронежской области оккупационные власти практиковали массовые реквизиции скота – у населения деревень в один момент отбирали всех коров. Акции были организованы местными комендантами (54).

В наступлении на Сталинград приняли участие активное участие войска союзников Германии – Румынии, Венгрии и Италии. В результате румынские, венгерские и итальянские солдаты оказались на воронежской земле. Они также активно подключились к мародерству (тем более, что снабжались союзники значительно хуже немцев). Капрал венгерской армии писал в дневнике: «Сегодня наши парни стащили три кувшина молока, женщины только-только собрались отнести молоко в погреб, как налетели мои ребята с гранатами и сделали вид, что собираются их бросить. Женщины испугались и убежали, а парни взяли молоко» (55).

План по посеву озимых в 1942 г. не был выполнен. Например, к 10 ноября в 53 районах Курской области при плане посева на 934 727 га было вспахано только 595 417 га (71% плана), а засеяно лишь 563 585 га (60,3% плана) (56).

Надежды оккупационных властей на урожай 1942 г. не оправдались. Для восполнения дефицита оккупанты продолжали изымать продовольствие у голодающих селян. Владельцы коров были дополнительно предупреждены, что, в случае невыполнения плана сдачи молока, скот будет реквизирован (57). В тот период изъятие коровы для многих семей означало смерть от голода – помимо молока питаться было нечем.

Немецкая система продовольственного снабжения в Курской и Орловской областях к зиме 1942 г. стала давать сбои – крестьяне уже сами не имели продуктов. Фашистское руководство было вынуждено поставлять продукты для фронта из самой Германии. В связи с этим войскам предписывалось экономить продовольствие. Армии было разрешено самой снабжать себя продуктами питания (58). Эти факты говорят о неспособности оккупационных органов управления сельским хозяйством на захваченных территориях выполнять свои обязанности.

Весной 1943 г. немцы, не считаясь с реальной ситуацией, продолжали требовать с крестьян выполнения поставок продовольствия (59).

Для исправления положения с поставками продовольствия, организации воспроизводства продуктов оккупационным властям было необходимо изменить отношения с местным населением. В связи с этим командующий не-

мецкой армейской группировкой «А» Эвальд Клейст издал директиву «Обращение с гражданским населением в районе военных операций» (февраль 1943 г.). В ней Клейст определил ряд мероприятий для улучшения отношений с населением; предписывалось не менее 50% колхозов (общественных хозяйств) преобразовать в сельскохозяйственные товарищества, а в остальных колхозах увеличить размеры приусадебных участков и передать их в собственность крестьян. Предполагалось развитие единоличных хозяйств путем выделения особо отличившимся крестьянам земли. Немецкий генерал призвал отбирать у населения не все продукты, а только 80% (60).

Захватчики раздавали землю в качестве вознаграждения за помощь в борьбе против партизан. Розенберг в одном из своих приказов специально оговорил эту норму: надел мог быть увеличен «за особые заслуги». В другом приказе разъяснялось, что право на надел имеют только лица, служившие в германской армии и немецких учреждениях (61).

Для привлечения населения на свою сторону оккупационные власти объявили о том, что вернут раскулаченным в ходе коллективизации крестьянам их прежние усадьбы (62). Осенью 1942 г. некоторым раскулаченным действительно было возвращено отобранное у них имущество и наделы. Однако попытки наладить отношения с населением были запоздалыми и неорганизованными. Захватчики по-прежнему изымали у населения скот для нужд немецкой армии. Старосты сел и деревень отбирали скот для выполнения немецких поставок, прежде всего, у своих недругов и семей коммунистов. В 1943 г. с перемещением линии фронта на запад на территории Курской и Орловской областей разместилось большое количество немецких боевых частей. Для немецких солдат, которые хотели пообедать, не имело значения, у кого они отбирали продукты: у раскулаченного или бывшего активиста колхоза.

Ухудшение стратегического положения немецко-фашистских войск на фронтах, активизация партизанской борьбы в тылу захватчиков заставили руководителей рейха пойти на новые шаги популистского характера. Чтобы заручиться поддержкой населения, фашисты решили ускорить процесс передачи земли в частные руки. 3 июня 1943 г. Розенберг от имени германского правительства объявил «Декларацию германского правительства о частной собственности крестьян на землю в освобожденных областях». Имперский министр обещал: «Земля, которая... была отведена крестьянам для постоянного единоличного пользования, признается частной собственностью этих крестьян» (63). Однако эти заявления ничего изменить не могли: крестьяне уже убедились в истинных намерениях захватчиков.

Оккупанты в условиях войны на территории Центрального Черноземья не сделали попытки разрушить советскую систему ведения хозяйства: в несколько измененном виде ее основные элементы сохранились в период оккупации. Курс на развитие частной формы ведения сельского хозяйства, провозглашенный захватчиками, реализован не был. Сохранение колхозов в форме общинных хозяйств оказалось для оккупантов более удобным для

эксплуатации крестьян. Очевидно, сыграл свою роль и временной фактор, особенно в восточных районах региона.

Сельское хозяйство черноземной полосы ко времени освобождения было доведено до крайнего оскудения. Поля опустели и поросли сорняками. Население деревень, обреченное на голодную смерть, ходило по полям в поисках гнилых бураков и колосьев. Продовольствие было изъято оккупантами, а его производство в необходимых объемах так и не было налажено. В Центрально-Черноземном регионе, как и в других оккупированных областях РСФСР, близких к линии фронта, действия захватчиков в сельскохозяйственной сфере отличались особым беспорядком и произволом: здесь, помимо регулярных реквизиций продовольствия специализированными учреждениями, практиковались грабежи населения солдатами боевых частей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Цит. по: *Залесский А.И.* В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага. – М., 1962. – С. 90.
- (2) Нюрнбергский процесс. Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками в двух томах / Под ред. К.П. Горшенина (гл. ред.), Р.А. Руденко и И.Т. Никитченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1954. – Т. I. – С. 805.
- (3) Государственный архив Курской области (ГАКО). – Ф. Р-3555. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 74; Государственный архив Орловской области (ГАОО). – Ф. Р-3815. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 6–6(об.).
- (4) ГАКО. – Ф. Р-3483. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 160.
- (5) Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: Сборник док-тов и мат-лов / Ред. комис.: Т.И. Архипова (предс.) и др. – Курск, 1960. – Т. 1. – С. 160.
- (6) Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (Архив УФСБ РФ по КО). – Ф. 4-го отдела УНКВД. – Д. 237. – Т. 2. – Л. 800–801.
- (7) ГАОО. – Ф. Р-3815. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 6–6(об.); Ф. Р-696. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 2.
- (8) ГАОО. – Ф. Р-696. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 2; Ф. Р-261. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 50, 128–129; ГАКО. – Ф. Р-3484. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 3; Ф. Р-3483. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 327; Архив УФСБ по КО. – Ф. 4-го отд. УНКВД. – Д. 237. – Т. 2. – Л. 857.
- (9) ГАКО. – Ф. Р-3483. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 127.
- (10) *Филоненко С.И., Филоненко Н.В.* Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). – 2-е изд. – Воронеж: ВГАУ, 2004. – С. 20.
- (11) ГАКО. – Ф. Р-3480. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 3.
- (12) Например, приказ местного коменданта Глазуновского района: ГАОО. – Ф. Р-2438. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 205–206.
- (13) *Прохоров В.Е.* Сермяжные истории жителей бывшей Комарицкой волости. – Ч. 1 // Краевед.ру: Наше краеведение // <http://kraeved.ru/sermyazhnye-istorii-zhitelei-byvshsheikomaritiskoi-volosti>
- (14) Например, уже в ноябре 1941 г. только в Неполодской волости Орловского района было предписано собрать для нужд немецкой армии 56 коров и 90 овец (на территории волости находилось 8 колхозов): ГАОО. – Ф. Р-261. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 14–14об.

- (15) Граждане, не выполнявшие распоряжения оккупационных властей, объявлялись саботажниками и подлежали смертной казни. Угроза не была пустой. «Назидательные» расстрелы и повешения «саботажников» были обычным делом.
- (16) ГАКО. – Ф. Р-3480. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 2, 6, 9, 21; *Филоненко С.И., Филоненко Н.В.* Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону. – С. 20.
- (17) ГАКО. – Ф. Р-3487. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 16–19.
- (18) Там же. – Д. 83. – Л. 23.
- (19) ГАКО. – Ф. Р-3555. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 67.
- (20) *Гришков И.Г.* Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – 2-е изд., доп. – Курск, 1999. – С. 44–45.
- (21) *Гриднев В.М.* Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики, 1941–1944 гг. – М., 1976. – С. 119.
- (22) Там же. – С. 120.
- (23) ГАОО. – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 128–129.
- (24) Там же. – Л. 272.
- (25) Посев и жатва (приложение к газете «Новый путь»). – 1942. – Сентябрь. – № 57.
- (26) ГАОО. – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 129.
- (27) *Гриднев В.М.* Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР... – С. 38.
- (28) ГАОО. – Ф. 696. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 2.
- (29) ГАКО. – Ф. Р-3487. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 21
- (30) Посев и жатва. – 1942. – Август. – № 6.
- (31) И память отзовется болью... Письма, воспоминания, документы. – Воронеж, 2003. – С. 102.
- (32) *Филоненко Н.В.* Немецко-фашистский режим на временно оккупированной территории Воронежской области и его крах (июль 1942 г. – февраль 1943 г.). Дисс. ... к.и.н.. – Воронеж, 2003. – С. 46.
- (33) И память отзовется болью... – С. 102.
- (34) Новый путь. – 1942. – Май. – № 23.
- (35) Посев и жатва. – 1942. Июль. – № 3.
- (36) Новый путь. 1942. – Июнь. – № 51.
- (37) *Гришков И.Г.* Курская область... – С. 46.
- (38) *Филоненко Н.В.* Немецко-фашистский режим на временно оккупированной территории Воронежской области... – С. 47.
- (39) *Прохоров В.Е.* Сермяжные истории жителей бывшей Комарицкой волости // Краевед.ру. – Домаха, 2009. – Ч. 2 // <http://kraeved.ru/sermyazhnye-istorii-zhitelei-domakhi-i-drugikh-sel-prodolzhenie>
- (40) Курская область в период Великой Отечественной войны. – Т. 1. – С. 163.
- (41) Курский край. Альманах. – Курск, 1998. – № 1. – С. 32.
- (42) Посев и жатва. 1942. – Июль. – № 3.
- (43) ГАОО. – Ф. Р-696. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 11.
- (44) Там же. – Д. 200. – Л. 91.
- (45) Архив УФСБ по КО. – Ф. 4-го отдела УНКВД. – Д. 237. – Т. 1. – Л. 70.
- (46) *Потанин Л.С.* Детство опаленное войной... // Книга памяти. Российская Федерация. Орловская область. – Орел, 1998. – Т. 12. – С. 232.
- (47) И память отзовется болью... – С. 102–103.
- (48) ГАКО. – Ф. Р-3483. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 50–54.

- (49) Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2262. – Л. 1–71.
- (50) Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. – М., 2000. – С. 52.
- (51) В период с 8 по 25 июля 1942 г. дивизия в составе 4-й танковой армии, наступая через южные районы Воронежской области в направлении на Сталинград, участвовала в боях на Среднем Дону. Дивизией в этот период командовал генерал-майор Зигфрид Хенрици.
- (52) Сталинградская эпопея. – С. 112.
- (53) Цит. по: *Бивор Э.* Сталинград / Пер. с англ. А. Жеребилова, А. Коноплева, А. Марченко, А. Фельдшера. – Смоленск, 1999. – С. 97–98.
- (54) *Филоненко С.И., Филоненко Н.В.* Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону. – С. 46.
- (55) *Бивор Э.* Сталинград... – С. 98.
- (56) ГАКО. – Ф. Р-3487. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 57, 58.
- (57) ГАОО. – Ф. Р-2438. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 6.
- (58) Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1945 гг.). – 2-е изд., расшир. – М., 1968. – С. 293, 294.
- (59) ГАОО. – Ф. Р-696. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 10–10(об.).
- (60) *Загорюлько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург». – М., 1980. – С. 141.
- (61) *Синицина Н.И., Томин В.Р.* Провал аграрной политики гитлеровцев на оккупированной территории СССР (1941–1944 гг.) // Вопросы истории. – 1965. – № 6. – С. 37.
- (62) ГАОО. – Ф. Р-261. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 129.
- (63) *Синицина Н.И., Томин В.Р.* Провал аграрной политики... – С. 42.

AGRICULTURAL POLICY OF GERMAN FASCISTS INVADERS AT THE OCCUPIED TERRITORY OF CENTRAL BLACK SOIL REGION FROM 1941 UNTIL 1943

S.A. Nikiforov

Chair of Human Sciences and General Education Disciplines
Regional Financial and Economic Institute (Kursk, Russia)
Lomakina Str., 17, Kursk, Russia, 305029

The author analyses the actions taken by the occupational authorities in terms of agriculture at the temporary controlled territories of Voronezh, Kursk and Oryol provinces. The article describes the main goals and tendencies of fascist agricultural policy with the focus on the relationships with the civilians and the results of the fascists' actions.

Key words: Central Black Soil Region, occupation, agricultural reform, agricultural management, collective farm (kolhoz), community enterprise, state property, tax in kind, damage.